Проф. М. К. Любавскій.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРІИ БѢЛОРУССІИ.

Докладъ, читанный на первомъ публичномъ засѣданіи Бѣлорусскаго Научно-Культурнаго Общества въ Москвѣ $^{1}/_{14}$ юля 1918 года

Москва.
Тип. А. П. Яроцкаго, Остоженка, Молочный пер., д. 10.
1918 г.

947
Л95
МО(ст.)
3-й экз.

Библиотека
911
67

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Сонце навуки скрозь хмары цёмныя
Прагляне ясна над нашей нивай.

Белорусский вопрос, поднятый мировой войной и углубленный русской революцией, в настоящее время стоит не только перед самими белоруссами, но и перед всей Россией. В общем калейдоскопе бурно несущихся событий, при сложности современной международной политической коньюктуры он остается часто не замеченным, проходит мимо..... Между тем „пагаржаные век, сьляпые, глухіе“ белоруссы, разбуженные стихийным движением трудящихся к новой лучшей жизни, стали на широкий, „чырвоны шлях“ национального самоопределения. Видные представители Германского воинствующего национализма уделяют особое внимание белорусскому движению, посвящая ему ряд статей, брошюр, книг, карт и навод-

няя ими Белоруссию. Живой интерес к современному положенню Белоруссии проявляется и со стороны поляков, литовцев, русской прессы и особенно среди разрозненной белорусской интеллигенции, мысль которой направляется между тремя политическими ориентациями: „западной“, „восточной“ и ориентацией „незалежности“ Белоруссии. В связи с признанием огромной важности национнального вопроса в современном положении России, правильное решение которого может определить форму политическо-социальных и экономическо-культурных отношений народов России, в общественное сознание уже проникает мысль, что белорусский вопрос в ряду других вопросов занимает одно не из последних мест. Отсутствие спеціального изучения белорусского вопроса и научной высшей школы в Белоруссии служат причинами того, что русское общество часто проявляет большую неосведомленность в Белорусском национально-революционном движении, что сами белоруссы плохо знают свой родной край и что около белорусского вопроса создается целый ряд недоразумений и предубеждений.

Понимая всю важность белорусского вопроса в современных условиях иноземного порабощения Белоруссии, в Мос-

кве в Июне месяце сего 1918 года возникло Белорусское Научно-Культурное Общество. Оно ставит своей главною целью, чтобы „Сонце навуки скрозь хмары цемныя праглянуло ясна“ над белорусским движением и ярко осветило белорусский „чырвоны шлях,“ ведущий народ в царство братства и свободы.

§ 1 Устава Общества, определяющий задачи Общества, гласит:

„Белорусское Научно—Культурное Общество, об'единяя все научныя, художественныя и вообще культурныя силы Белоруссии и лиц, интересующихся ея изучением, своими задачами имеет:

а) всестороннее изучение Белоруссии в ея прошлом и настоящим,

б) поднятие уровня общей и национальной культуры и экономического благосостояния народа,

в) содействие разрешению очередных вопросов просвещения.“

Надо с признательностью отметит, что идея создания Общества встретила полное и всеобщее сочуствие среди научных и художественных сил Москвы. В числе почетных членов Общества считаются: Проф. Карский Е. Ѳ., Любавский М. К., Жукович П. Н., Довнар—Запольский М. В., Лаппо И. И. и Сапунов А. П., членами—учредителями: Проф. Пичета В. И. Ясинский А. Н.,

Янчук Н. А., Коновалов Д. Г., артист Качалов В. И. и др.

Общество с глубокой благодарностью заслушало уже несколько докладов по вопросаи истории, территории и просвещения Белоруссии, один из которых выходит в свет в виде настоящей брошюры. Вместе с народным поэтом Общество и твердо верит и громко зовет:

Браты! Вяликая дарога
Чакае нас і родны край.
Настало жніво, працы многа,
Навуки зерня засевай.

Нясеця свет—у змроку дремле
Наш мілы край, наш родны кут.
Ніхай ўваскроснуць нашы землі,
Ніхай асьвеціцца нат люд! . . .

Ѳ. Турук.

20/VIII 18 г.
Москва.

Адресъ Правленія Бѣлорусскаго Научно-Кульутрнаго Общества въ Москвѣ: Москва, Остоженка, 35., кв. 6. Теф. 3·16-98. Предсѣдателю проф. В. И. Пичета.

Проф. М. К. Любавскій.

Основные моменты исторіи Бѣлоруссіи.

Милостивыя государыни и милостивые государи.

Бѣлорусское научно-культурное Общество въ Москвѣ поручило мнѣ, какъ спеціалисту по западно—русской исторіи, выступить здѣсь съ общимъ докладомъ изъ исторіи Бѣлоруссіи. Я очень опасаюсь, что окажусь не на высотѣ задачи и не оправдаю ожиданій, которыя могутъ быть какъ у самаго общества, такъ и у собравшихся здѣсь гостей. Когда рѣчь заходитъ объ исторіи Бѣлоруссіи, какъ таковой, мысль невольно направляется на внутренніе стихійные процессы, происходившіе въ нѣдрахъ Бѣлорусскаго племени, въ его внѣшнемъ бытѣ и тайникахъ его души и формировавшіе то, что теперь представляетъ собою это племя. Бѣлорусское племя въ большей части изжитого имъ времени не имѣло своей собственной государственности и его исторія поэтому есть преимущественно исторія племени и особой разновидности національной русской культуры. Но въ такомъ разрѣзѣ мнѣ не приходилось до сихъ поръ изучать исторію Бѣлоруссіи. Да это въ сущности еще дѣло будущаго. Поэто-

му не посѣтуйте на меня, если сейчасъ я подѣлюсь съ вами только нѣкоторыми мыслями и соображеніями объ исторіи Бѣлоруссіи, которыя приходятъ мнѣ на умъ въ потокѣ общаго созерцанія заподнорусской исторіи.

По всѣмъ даннымъ, основнымъ ядромъ, изъ котораго выросло Бѣлорусское племя, были Кривичи Полоцкіе нашей лѣтописи. Лѣтопись помѣщаетъ это племя какъ разъ именно тамъ, гдѣ позже являются Бѣлоруссы. Такъ какъ нѣтъ рѣшительно никакихъ признаковъ массовыхъ племенныхъ сдвиговъ на этой территоріи въ послѣднее время, надо думать, что Кривичи, занимавшіе бассейнъ З. Двины, верхняго Днѣпра и ихъ притоковъ и были родоначальниками теперешнихъ Бѣлоруссовъ. Повидимому въ ближайшемъ родствѣ съ ними были Дреговичи, жившіи между Припятью, и Березиною. Это была особая вѣтвь тѣхъ же Кривичей, обозначенная особымъ наименованіемъ въ зависимости отъ природныхъ свойствъ, занятой ими территоріи (дрягва—болото, трясина). Возможно, что въ тѣсномъ родствѣ съ Кривичами были и Радимичи, жившіе по Сожу. Я не знаю, въ какой мѣрѣ эти дородки могутъ быть приняты филологами на основаніи ихъ данныхъ. Но данныя историка ведутъ его именно къ такому предположенію.—Кривичи. Дреговичи и Радимичи, образовавшіе Бѣлорусское племя, не было первыми насельниками своей территоріи. Наблюденія археологовъ и лингвистовъ обнаруживаютъ, что славяне внѣдрялись здѣсь въ землю, занятую Литвою и Финами, жившими здѣсь въ пе-

ремежку, что они частью вытѣснили отсюда эти племена на западъ и востокъ, частью поглотили ихъ въ себѣ, ассимилировали, что, такимъ образомъ, въ этой части Руси происходилъ тотъ сдвигъ и то сліяніе племенъ, которыя имѣли мѣсто на сѣверѣ и сѣверо—востокѣ, въ лѣсныхъ областяхъ.

До конца IX вѣка мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ о жизни Кривичей и родственныхъ имъ племенъ. О процессѣ жизни, происходившемъ на территоріи нынѣшней Бѣлоруссіи, до конца IX в. мы можемъ только догадываться на основаніи позднѣйшихъ фактовъ. Процессъ этотъ состоялъ въ колонизаціи страны, въ устройствѣ хозяйственнаго быта на основѣ земледѣлія и охотничьихъ промысловъ, въ формировкѣ общественныхъ соединеній новаго типа на ряду съ прежними родоплеменными, именно въ образованіи городовыхъ волостей, въ усложненіи соціальной структуры общества, въ средѣ котораго возникли классы вачшихъ, лучшихъ людей, купцовъ. Когда источники начинаютъ говорить о Кривичахъ и ихъ сосѣдяхъ, обнаруживается, что у нихъ существуютъ уже довольно крупные торговые города—Смоленскъ, Полоцкъ, Изборскъ, являющіеся вмѣстѣ съ тѣмъ политическими центрами, между которыми разбивается Кривичская земля. Кривичи оказываются такъ или иначе втянутыми въ торговое движеніе по великому водному пути „изъ варягъ въ Греки", и Олегъ, взимая контрибуцію съ Грековъ послѣ своего похода на Царьградъ, включилъ въ число

городовъ, имѣющихъ получить контрибуцію и Полоцкъ. Кривичи, какъ и Ильменскіе, и Днѣпровскіе славяне, оказываются въ тѣсномъ житейскомъ общеніи съ варяжскимъ элементомъ. И у нихъ въ городахъ оказываются варяжскіе конунги съ ихъ дружинами—Труворъ въ Изборскѣ, позже Рогвольдъ въ Полоцкѣ. Но при всемъ томъ съ самаго начала обнаруживается и нѣкоторая обособленность, по крайней мѣрѣ—Кривичей, живущихъ въ бассейнѣ З. Двины и ихъ сосѣдей съ юга—Дреговичей. Они тянутъ въ свою сторону, принимаютъ къ себѣ своихъ конунговъ, которые не хотятъ знать конунговъ Новгородско—Кіевскихъ. Таковымъ выступаетъ, напр., Рогвольдъ, который ни за что не хотѣлъ подчиниться Владиміру Святославичу.

Владиміру Святославичу въ концѣ концовъ удалось втянуть Полоцкъ въ орбиту русской государственности. Онъ посадилъ въ Полоцкѣ сына своего Изяслава, рожденнаго отъ дочери Рогвольда Рогнѣды.—Но какъ этотъ Изеславъ, такъ и его потомки никакъ не могли примкнуть къ князьямъ Кіевскимъ и установить съ ними добрыя братскія и союзническія отношенія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., Всеславъ, были заклятыми врагами Кіевскихъ князей. Дѣло доходило до того, что Кіевскіе князья вынуждены были занимать Полоцкія княжества и выгонять изъ нихъ потомковъ Изяслава. Такъ поступилъ между прочимъ сынъ Владиміра Мономаха—Мстиславъ, „поточившій“ Полоцкихъ князей въ Царьградѣ „зане не бяхуть въ его воли, не слушахуть его, коли

зовяше въ русскую землю на помощь, но паче молвяху Бонякову, шелудивому во здоровье". Почти всѣ Полоцкіе князья держались этой политики въ отношеніи Кіева, изъ чего можно заключить, что эта политика была не случайностью, не результатомъ какой—либо фамильной вражды въ нѣдрахъ княжескаго рода, а диктовалась какими—то, факторами стоявшими внѣ личной воли князей и ихъ дружинъ. Мнѣ представляется, что причины этого сепаратизма коренились въ настроеніи самаго населенія Полоцкой земли, въ свою очередь созданнаго географическими и экономическими условіями. За своими лѣсами и болотами Кривичи Полоцкіе и Дреговичи жили особно отъ остальнаго русскаго населенія, знать не хотѣли его интересовъ и стремленій. Полоцкая земля представляла захолустье Руси, сжилась съ этимъ своимъ состояніемъ и не хотѣла его смѣнять, не хотѣла мѣшаться въ дѣла остальной Русси и жить одними съ нею треволненіями и заботами. Завязавшаяся по З. Двинѣ торговля съ Германіею обезпечивала ей сбытъ сырья и снабженіе необходимыми предметами иноземнаго производства и ставила ее въ независимость и отъ Кіевскаго рынка.

Политическое обособленіе, однако, не повело за собою обособленія культурнаго. Кривичи Полоцкіе и Дреговичи, какъ и Кривичи Смоленскіе и другія славянскія племена приняли христіанство, вошли въ обще-русскую церковную организацію, усвоили начатки просвѣщенія и общерусскій литературный языкъ, создавшійся на

основѣ церковнославянскаго языка и того нарѣчія, на которомъ говорило населеніе Приднѣпровской Руси, и зажили общими съ остальною Русью духовными интересами и стремленіями. Культура Полоцкой земли, насколько можно составить себѣ о ней представленіе по крайне скуднымъ даннымъ источниковъ и остатковъ ея, носила общій отпечатокъ культуры Кіевскаго періода.

И внутренняя политическая жизнь Полоцкой земли въ X—XII вѣкахъ шла въ общемъ по тому же самому руслу, по какому шла жизнь въ другихъ заподнорусскихъ земляхъ, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, перевѣсомъ въ сторону вѣчевого строя. Надо сказать, что княжеская власть въ главныхъ центрахъ Полоцкой земли пустила слабые корни въ мѣстную общественную среду. Князья въ Полоцкой землѣ садились на столахъ большею частью по договорамъ съ вѣчами, а не по своему княжескому распорядку, держались на этихъ столахъ лишь до тѣхъ поръ, пока были любы мѣстнымъ обществамъ. Въ Полоцкой землѣ князья были почти въ такой же степени народные избранники, какъ и въ сосѣдней Новгородской. Но при всемъ томъ народоправство не осуществилось здѣсь въ чистой формѣ. На вѣчахъ всѣми дѣлами ворочали богатые горожане, ведшіе отпускную торговлю. Къ нимъ съ теченіемъ времени примкнули бояре, изъ перехожихъ княжескихъ дружинниковъ превратившіеся въ крупныхъ землевладѣльцевъ, ведшихъ сельское хозяйтсво и промыслы при помощи челяди—ра-

бовъ и наймитовъ—закуповъ. Кромѣ того на нѣкоторыхъ пригородахъ, напр., въ Друцкѣ стали уже осѣдать прочно и превращаться въ хозяевъ—вотчинниковъ князья.

Я останавливалъ до сихъ поръ ваше вниманіе преимущественно на Полоцкой землѣ потому, что эта земля обнимала большую часть энтографическихъ элементовъ, изъ которыхъ составилось Бѣлорусское племя, ибо на долю Псковской и Смоленской земель приходятся уже сравнительно малыя части этихъ элементовъ, слившихся тамъ съ другими. Бѣлорусская же стихія держалась и развивалась главнымъ образомъ въ Полоцкой землѣ.

Въ жизни образующагося бѣларусскаго племени, какъ и въ жизни всего восточнаго славянства половина тринадцатаго вѣка была извѣстною гранью, за которою начался новый періодъ его исторіи. Мы можемъ назвать этотъ періодъ литовскимъ, такъ какъ бѣлоруссы тѣсно сблизились въ это время съ Литвою, перемѣшались съ этимъ племенемъ географически и энтографически и образовали крупное литовско—русское государство.

Географическая близость Полоцкой земли къ Литвѣ обусловила между ними давнишнее житейское общеніе и знакомство. Въ теченіе XI и первой половина XII в. полоцкіе князья много разъ навѣщали литовскую землю въ поискахъ добычи и полона. По слѣдамъ князей пробиралось въ Литву, по всѣмъ признакамъ, и мирное населеніе, искавшее здѣсь удобныхъ земель и

угодій. Такъ называемая Черная Русь съ городами Новгородкомъ, Волковыйскомъ и Слонимомъ, повидимому, были колоніею Кривичей или Дреговичей на литовской землѣ. Съ половины XII в. отношеніе между Литвою и Полоцкою землею сдѣлались обратными. Литовцы стали часто навѣщать Полоцкую землю. Ихъ часто наводили сами князья, пользуясь ихъ услугами во взаимныхъ усобищахъ. Но литовцы съ половины XII в. стали часто являться въ Полоцкую землю и непрошенными гостями. Къ тому времени литовцы, жившіе прежде мелкими обществами, стали образовывать крупныя соединенія, привыкли ходить на войну большими партіями, разлакомились добычею и начали уже промышлять войною. Ихъ нападеніе заставили пѣвца Слова о полку Игоревѣ тревожно смотрѣть на будущее полочанъ. „Двина,—читаемъ у него,—болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ". Полоцкіе князья уже не въ состояніи были давать имъ отпоръ. „Ярославе и вси внуци Всеславли, обращался къ нимъ пѣвецъ, уже понизьте стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы". Наводняемая каждый годъ литовцами Полоцкая земля все болѣе и болѣе отрывалась отъ остальной Руси и сливалась съ Литвою. Татарскій погромъ, постигшій сѣверо—восточную Русь и южнорусскія земли, окончательно предоставилъ Полоцкую землю ея собственнымъ силамъ. Покинутое на произволъ судьбы русское населеніе этой земли естественно должно было искать себѣ спа-

сенія въ покорности литовскимъ князьямъ. Послѣ этого не неожиданнымъ является и появленіе литовскихъ князей на разныхъ частяхъ Полоцкой территоріи. Раньше другихъ частей подъ власть литовскихъ князей отошла Черная Русь. Въ началѣ XIV в. принялъ къ себѣ на княженіе литовскаго князя Полоцкъ, нѣсколько позже, въ 1320 году, Витебскъ; еще нѣсколько позже признали надъ собой власть великаго князя Минскій князь, Друцкіе и Лукомскіе князья и всѣ волости въ бассейнѣ Березины—и ея притоковъ, средняго Днѣпра и Сожа.

Соединеніе Полоцкой земли съ Литвою имѣло важныя послѣдствія для той и другой: оно усилило и внѣшне и внутренне Литву и наоборотъ: ослабило внутренне и внѣшне Полоцкую землю. Коренная Литовская земля на счетъ Полоцкой земли и отчасти Смоленской увеличилась такъ называемою „Русью", въ особомъ специфическомъ обозначеніи, которая крѣпко срослась съ основнымъ государственнымъ ядромъ. Русь эта обнимала нынѣшнюю Минскую и Могилевскую губерніи—приблизительно. Великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ стало разумѣться именно какъ соединеніе Литвы и этой самой Черной и Бѣлой Руси. Но еще болѣе важно было внутреннее усиленіе Литвы на счетъ этой Руси. Въ русской общественности литовскіе князья, по всѣмъ признакамъ, могли почерпать болѣе силъ и средствъ для утвержденія государственности, чѣмъ въ общественности Литовской. Русь давала въ ихъ распоряженіе военный людъ

привыкшій находиться въ опредѣленныхъ и постоянныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ князю, по военной выправкѣ и храбрости неуступавшій западному рыцарству. На Руси Литовскіе князья находили массу городскаго и сельскаго населенія, связаннаго съ княземъ опредѣленными и постоянными податными и разными другими повинностями. Здѣсь же къ услугамъ князей была и организованная администрація, рядъ опредѣленныхъ должностей и званій, коими утверждалась княжеская власть надъ обществомъ. На Литвѣ все это еще было въ зачаточномъ и неустойчивомъ видѣ. Поэтому литовскіе князья для утвержденія государственности старались почерпать политическія силы и средства именно въ присоединеной къ Литвѣ Руси, откуда брали воиновъ и должностныхъ лицъ, переносили на Литву тамошніе порядки и установленія, русскій оффиціальный языкъ и т. д. Поэтому и Великое княжество Литовское съ самаго образованія своего выходило полурусскимъ государствомъ, а это обстоятельство въ свою очередь облегчило ему въ сильной степени дальнѣйшее расширеніе его на счетъ западно—русскихъ земель. Но для самой Полоцкой земли и населявшаго ее племени это соединеніе съ Литвой имѣло обратные результаты. Съ присоединеніемъ „Руси“ къ Литвѣ изъ прежней Полоцкой земли остались на особомъ и самобытномъ положеніи только княжества Полоцкое и Витебское, обнимавшія бассейнъ западной Двины (приблизительно нынѣшнюю Витебскую губернію и Сѣверную часть Мо-

гилевской). Но еще важнѣе были потери внутренняго характера. Племя, населявшее древнюю Полоцкую землю, потеряло много жизненныхъ силъ, которыя ушли въ Великое княжество Литовское на строительство чужой государственности и общественности, на созиданіе иной, не чисто русской культуры. Отъ народной массы Бѣлоруссіи отошли ея прежніе историческія вожди и руководители—уцѣлѣвшіе князья Полоцкой династіи, бояре, землевладѣльцы, разные грамотѣи, которые вошли въ ряды правящаго и военнослужилаго литовскаго люда и, передавая ему свою культуру, при всемъ томъ естественно заражались отъ него и тѣмъ отчужденіемъ отъ народной массы, которое естественно иноплеменникамъ завоевателямъ. И это справедливо не только относительно высшихъ слоевъ бѣлорусскаго общества, вошедшихъ въ составъ населенія Руси Литовской, но и относительно тѣхъ, которые остались въ частяхъ Бѣлоруссіи, сохранившихъ свою политическую особенность и самобытность: я разумѣю земли Полоцкую и Витебскую. Здѣшніе землевладѣльцы съ теченіемъ времени получили подобно всѣмъ землевладѣльцамъ Литовско-Русскаго государства «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ польской». Эти вольныя, добрыя христіанскія права несли, однако, съ собою злую и чисто языческую неволю для сельскаго земледѣльческаго населенія, несли идейное, принципіальное различеніе пана отъ холопа, бѣлой кости отъ черной, что въ концѣ концовъ не могло не отразиться самыми

плачевными послѣдствіями для народной массы Бѣлоруссіи. Магдебургское право, пожалованное крупнымъ городскимъ центрамъ, отграничило и обособило отъ народной массы и городское населеніе, замкнуло его въ себялюбивыхъ чувствахъ и стремленіяхъ и отстранило отъ широкаго строительства народной жизни. И вотъ мы видимъ, что на вѣчахъ или общественныхъ сеймахъ, собирающихся по старинѣ въ Полоцкѣ и Витебскѣ, избирающихъ высшую власть и издающихъ мѣстные законы, выступаютъ уже только паны, бояре, мѣщане и нѣтъ элементовъ простонародія. Взоры историка съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ останавливаются только на Поднѣпровскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, на области богатаго промысловаго крестьянства, гдѣ долго еще держится мѣщанско-крестьянское самоуправленіе, гдѣ выборные старцы не только собираютъ дань и выгоняютъ людей на работы, но и чинятъ судъ и управу, гдѣ хранится русская старина и пошлина. Но мало по малу и здѣсь эта старина исподволь разрушается, и народная масса попадаетъ въ подчиненіе и соціальное униженіе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ эпоху Ливонскихъ войнъ здѣсь распространяется служилое землевладѣніе, и появляются въ значительномъ числѣ паны.

Таковы результаты Литовскаго періода въ исторіи Бѣлоруссіи. За этимъ періодомъ наступаетъ періодъ, который мы можемъ назвать польско-литовскимъ и даже прямо польскимъ, въ виду того преобладанія, которое получила

польская стихія въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ со времени соединенія его съ Польшею въ единую Рѣчь Посполитую. За этотъ періодъ національныя потери бѣлорусскаго племени увеличились еще больше, чѣмъ за періодъ литовскій. Прежде всего тѣ классы общества, которые въ литовскій періодъ обособились и отдалились отъ народныхъ массъ, теперь стали уже чуждыми имъ по языку и вѣрѣ, по всему строю быта, чувствъ и мыслей. Особенно справедливо это относительно окатоличенной и ополяченной шляхты. Но полонизація затронула отчасти и состоятельное мѣщанство наиболѣе крупныхъ городскихъ центровъ, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ. Все, что было сознательнаго, развитого и культурнаго въ Бѣлоруссіи, стало или становилось польскимъ.—Край въ значительной степени утратилъ свой русскій характеръ и пріобрѣлъ характеръ польскій. Все это общеизвѣстные факты, и я не буду на нихъ долгое время останавливаться. Но на что мнѣ хотѣлось-бы обратить Ваше вниманіе, и что обычно упускается изъ виду, это на тѣхъ новыхъ утратахъ, которыя понесла Бѣлорусская народность вслѣдствіе эмиграціи на югъ, на Украину. Въ литовскомъ періодѣ, какъ мы видѣли, много силъ Бѣлорусскаго племени ушло на строительство чужой государственности и общественности. Въ польско-литовскомъ періодѣ много живыхъ, наиболѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ, наиболѣе одаренныхъ духовно элементовъ народной массы ушло на югъ, на строительство новой, казацкой

Рѣчи Посполитой. Съ Двины, съ верхняго Днѣпра, Березины и Сожа тамошнее промысловое крестьянство давно уже повадилось ходить на степныя рѣки и въ степныя лѣса за рыбой, звѣремъ и медомъ. Казацкія ватаги, промышлявшія на различныхъ «уходахъ» на Днѣпрѣ, Сулѣ, Ворсклѣ, Орели, Самарѣ и за порогами, до второй половины XVI в. состояли преимущественно изъ бѣлоруссовъ. Проведя на промыслахъ лѣто, осенью эти ватаги возвращались вверхъ по Днѣпру, распродавали свою добычу въ Кіевѣ и другихъ городахъ и расходились на зиму по домамъ до весны. Но со времени Люблинской уніи, когда Приднѣпровская Украина отошла къ коронѣ, туда направился сильный переселенческій потокъ съ запада, съ Волыни и Галиціи. Бѣлорусскіе казаки не могли остаться равнодушными къ этому заселенію дикихъ поль, въ сосѣдствѣ съ ихъ стародавними «входами» и угодьями. Эти угодья стали подвергаться опасности освоенія, заимки со стороны пришельцевъ, и бѣлорусскіе казаки поспѣшили предупредить это переселеніемъ на лѣвобережную Украину, устройствомъ своего земледѣльческаго хозяйства на новыхъ мѣстахъ по сосѣдству своими пчелиными, звѣриным и рыбными угодьями.

Такъ Бѣлоруссія все болѣе и болѣе оскудѣвала національными силами. Все, что было въ народной массѣ сильнаго, дѣятельнаго, творческаго, все это либо отчуждалось отъ нея, либо уходило на сторону. И наоборотъ все, что было въ странѣ слабаго, забитаго жизнью и

людьми, все это оставалось въ странѣ и коснѣло въ исконномъ примитивномъ строѣ быта, вѣрованій, чувствъ и помысловъ. И вотъ и получилось такимъ образомъ русское племя безъ исторіи, съ одной археологіею и этнографіею,— говорю это, конечно, Cum grano salis, для болѣе рѣзкаго и выпуклаго выраженія своей мысли.

Русскій періодъ въ исторіи Бѣлоруссіи до освобожденія крестьянъ и до ликвидаціи польскаго возтанія 1863 года мало что измѣнилъ въ ходѣ Бѣлорусской исторіи. Дворянство забранныхъ Россіею частей бывшей Рѣчи Посполитой въ концѣ XVIII вѣка, въ адресѣ, поданномъ правительству, заявляло, что, живя не въ Польшѣ, оно чувствуетъ себя какъ бы въ Польшѣ и даже лучше, чѣмъ въ настоящей Польшѣ. Полонофильской политики въ отношеніи къ Бѣлоруссіи держались, какъ извѣстно, и Павелъ и Александръ I, который не прочь былъ, при благопріятномъ случаѣ, присоединить Литву, въ томъ числѣ и Бѣлоруссію, къ Польшѣ. Николай I послѣ польскаго возстанія, преслѣдовавшаго между прочимъ и цѣль соединенія бывшаго великаго княжества съ Литвою, измѣнилъ нѣсколько политику, сталъ стремиться сдѣлать край русскимъ. Но дѣлалъ онъ все это грубо и въ высшей степени неумѣло. Всѣ его мѣры въ сущности ограничились однимъ только уничтоженіемъ уніи въ Бѣлоруссіи, которое болѣзненно ударило по народной совѣсти, сжившейся съ этимъ фактомъ. Разрушивъ очагъ полонизаціи края Виленскій университетъ—Николай

не нашелъ ничего лучшаго, какъ перенести его научныя средства въ Кіевъ, не нашелъ нужнымъ создать для края очагъ русскаго просвѣщенія, русской культуры—русскій университетъ. Этого университета Бѣлоруссія такъ и не дождалась до нашихъ дней. Повыгнавъ изъ края или сославъ въ Сибирь нѣкоторыхъ повстанцевъ изъ среды польскихъ землевладѣльцевъ края, Николай I при всемъ томъ не тронулъ польскаго землевладѣнія въ краѣ, служившаго главнымъ оплотомъ польской культуры и полонизаціи края.

Болѣе благопріятныя условія для жизни Бѣлорусскаго племени создались со времени освобожденія крестьянъ, выведшаго народную массу изъ рабскаго состоянія, и со времени ликвидаціи польскаго возстанія 1863 года, заставившаго правительство обратить вниманіе на усиленіе русской стихіи въ краѣ. Къ сожалѣнію, принятые въ этомъ направленіи мѣры не были доведены до конца. Бѣлоруссія не получила такого земства, которое могло—бы насадить и взлелѣять народную школу національнаго характера, не получила очага высшаго просвѣщенія—университета.

Бѣлорусское Научно—Культурное Общество, народившееся въ тяжелый моментъ, переживаемый русскимъ народомъ во всѣхъ его вѣтвяхъ, поставившее своей задачей организацію просвѣщенія Бѣлоруссіи, совершенно правильно поняло свой долгъ передъ родиной и своимъ племенемъ, совершенно точно уяснило очередныя задачи Бѣлорусскаго патріота.—Но

исторія Бѣлоруссіи при всемъ томъ является намъ воочію, что никакое совершенствованіе жизни, никакой прогрессъ невозможенъ для страны и племени, если всѣ живые и творческія силы его будутъ уходить на сторону, не будетъ работать дома, на мѣстахъ, если всегда будутъ смотрѣть въ сторону, стремиться туда, гдѣ живется веселѣе и радостнѣе, чѣмъ въ тихой сѣрой и заплаканной родинѣ. Исторія показываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что только опираясь на братскій великорусскій народъ, въ тѣсномъ духовномъ и политическомъ единеніи съ нимъ. Бѣлорусское племя можетъ утвердить для себя достойное національное бытіе.

